

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

Горизонты Виктора Тиля

Казахстанские горняки и металлурги на десятилетия задали тренд развития мировой ферросплавной отрасли

Металлургический тренд страны

Не обтесан, не шлифован, на сколе зернистый. Но, вынув из бархатистой коробочки, на ладони ощущаешь достойную, внушительную металлическую тяжесть. И блеск с серебристыми просверками хоть от солнца, хоть от лампочки "включается". Таков феррохром на ощупь, на вес и на вид. В нашем случае – в сувенирном исполнении. С трудом подбираю слова, дабы точно охарактеризовать суровую вещь – железистый сгусток, а обычно немногословные металлурги на эпитеты не скупятся и говорят о сплаве нового образца исключительно в превосходной степени. Как о выдающемся бренде страны.

В августе произошло событие, о котором планка на подарочном футляре кратко извещает: "Первый металл нового ферросплавного завода АО "ТНК "Казхром", г. Актобе, август 2014 г." И это – событие не городского, а планетарного значения. К тому же оно из разряда деяний, которые относят к стройкам века. Пуском суперзавода Казахстан на долгие годы обеспечил себе лидерство в производстве феррохрома и устойчивый спрос на продукцию со стороны "металлоемких" держав. Более того, это феноменальное достижение. Фактически республика закладывает передовое направление развития отрасли и демонстрирует убедительный пример эффективного и комплексного освоения стратегических ресурсов. Показательно, что этот процесс проходит под непосредственным кураторством Главы государства. Металлург № 1 отслеживал все этапы претворения прорывного проекта.

– Нурсултан Абишевич на Актюбинском заводе ферросплавов трижды побывал. Президент и капсулу закладывал в фундамент, и холодный запуск в июне произвел. Я считаю, что новый завод, которому нет аналогов в мире, – детище Назарбаева, – гордо заявил директор предприятия Мурат Мукашев.

А стройка, подчеркнул он, получилась всеказахстанской: – Вся страна возводила завод. С востока до запада и с севера до юга. Специалисты Павлодара, Темиртау, Караганды, Астаны, Тараза... Заканчивая уральским "Имстальконом". Четыре тысячи человек было задействовано! Крупнейшая инвестиционная программа Евразийской Группы оценивается в 843 млн. долларов США. Техническое решение беспрецедентно: в новой части производства используется самая передовая технология плавки в печах постоянного тока, уникальная для отрасли. Она позволяет работать даже с мелочью хромовой руды, делая производство практически безотходным. 4 суперпечи с трансформаторами мощностью 72 МВт в 2015 году способны

выдать 440 тыс. тонн продукции, тем самым экспортный потенциал Казахстана по выпуску высокоуглеродистого феррохрома возрастет на 16%.

Надо признать, это выдающийся рывок Актюбинского завода ферросплавов. Предприятие, в прошлом году отметившее 70-летие, по сути, обрело второе дыхание, став лидером и "законодателем мод" в глобальных масштабах. И в этом немалая заслуга президента АО "ТНК "Казхром" Виктора Тиля, десять лет возглавляющего 18-тысячный коллектив транснациональной компании. "Гвозди бы делать из этих людей – /;Крепче бы не было в мире гвоздей" – это о таких, как он. Тем паче, что без хрома гвоздь не сделаешь. Заслуженный горняк к своей карьерной вершине поступательно поднимался из шахтных недр горизонт за горизонтом. Правда, в обратном порядке. Подземный маркшейдерский рабочий, подземный крепильщик, горный мастер, участковый маркшейдер, старший маркшейдер, главный инженер, начальник шахты "Центральная", главный инженер, начальник шахтостроительного управления, начальник шахты "Молодежная", директор Донского ГОКа, наконец, генеральный директор "Казхрома"... Три десятка лет занял этот путь к глубинным познаниям в горнорудном деле и к высотам организаторского мастерства. Еще 10 лет промелькнуло на этапе транснациональной ответственности. И вот уже близок рубежный возраст, когда пристало, оглянувшись на пройденное, подвести некие промежуточные итоги.

Порода высокого содержания

– Виктор Вольдемарович, я по биографии изучал, вы шаг за шагом прошли множество ступеней горного дела. Высшее образование штудировали во Всесоюзном заочном политехническом институте параллельно трудовой практике.

– Окончив Нижнетагильский горно-металлургический техникум, по распределению я попал в Кемеровскую область. Почему туда? По-ребячески хотел в шахту, а не на поверхность, где почему-то постоянно пальцы обмораживал. Надо же, прибыл на место, а там – разрез, открытые работы. Полтора месяца маркшейдером. Потом вызывает начальник: "Что ты там с девчатами? Иди мастером". Мастером и в советское время не хватало. Мастером, так мастером. Полтора месяца отработал – призвали в армию. В войска стратегического назначения. Полгода в части, после – в спортрооте. Я тогда серьезно классической борьбой занимался. После армии приехал в Нижний Тагил, зашел к руководителю дипломного проекта. Думал в Рудный отправиться, я там на практике преддипломной был, с ребятами познакомился, тренировался. А он говорит: "Знаешь, есть Хромтау?". Я понял: "дырку" заткнуть. "Там новую шахту начинают строить. Она рядом с городом. Давай туда". Мне в принципе было все равно. Хромтау, так Хромтау. Так в 77-м году появился в здешних местах. В Хромтау пытались

со всего Союза затащить людей. Меня с одной из "волн" прибило. Был зачислен в штат шахты "Молодежная", а обслуживал маркшейдерские работы на "Центральной", теперь она носит название "10 лет независимости". Сразу на четырех стволах. Я как бы местным считался. Абсолютное же большинство составляли вахтовики. Практически со всего треста "Востокшахтопроходки", находившегося в Нижнем Тагиле, сюда завозили строительные подразделения, среди них – и бригады из Рудного. Иными словами, "Центральную" строили "варяги", тогда как "Молодежную" – свои: коллектив Хромтауского шахтостроительного управления. Я, получается, непродолжительное время был как бы своим среди чужих и чужим среди своих. А, в общем-то, большую часть своей производственной биографии – на шахте, в управлении ли работая, я был связан именно с "Центральной". К тому же после сдачи "Молодежной" все объемы были отданы хромтауским шахтостроителям. Я на ней и от ШСУ-1, и в два прихода от ШСУ-6 в маркшейдерах разного ранга повкалывал, и главным инженером, пока начальником не назначили. А до ума доводил уже в качестве начальника ХСШСУ-6. Итого порядка двадцати лет отдано. Однако нисколько не жалею. Такие очные университеты прошел! Молодой был, все интересно, везде лез. И специалисты нередко приезжали отменные. Из разных городов, с разными подходами. Помню, из Байкальского управления приехал главный маркшейдер Иванов. Сидеть на вахте ему разве хочется? А тут молодой, неопытный на подхвате. Зима, февраль, стынь. А мы с первой подъемной машиной возимся. Оси выносим, штырь туда, штырь сюда... Все выслушал от него. Потом, когда закончили, говорит: "Вечером приходи ко мне в гостиницу. Все, что в книгах написано, – ерунда. Я тебе кое-что по своему опыту обскажу. Тетрадку возьми". Что ж, вечером я к нему. Захожу. Большая комната. Еще два вахтовика. С ящик вина, его в Хромтау шмурдяком называли. "Будешь?" – "Нет, – отвечаю, – не пью". "Тогда на сухую вникай". Открыл я тетрадь и точно зачарованный слушал его. Уйму дельных советов продиктовал человек запросто так. Половину тетради, не меньше я исписал. Ох, как пригодилась эта грамота! Везло на подобные встречи. Умнейшие мужики в отрасли работали.

– Ваша мечта работать под землей, как видно, осуществилась, и надолго. Не утомила дюжина лет маркшейдерства?

– Как сказать. И да, и нет. Беспросветность, что ли, в какой-то момент накучила, тоска заела. Ни жилья нормального, ни элементарных бытовых условий. Хотел в Березовск, что под Свердловском, укатить. Опять же воспоминания практиканта подбивали на переезд. Свердловск поблизости – город-миллионник, да и ставший родным Нижний Тагил под боком. А здесь – вечно в мыле, с лохматой всклокоченной шевелюрой. Уже и запись в трудовой была сделана. Начальник управления Юрий Федорович Сулимов легко подмахнул. Я ему вроде как в нагрузку был. Уже объяснял: они "Молодежную" строили, а я за их зарплату – "Центральную". Собственно, за

книжкой и пришел в отдел кадров. Когда сотрудница отдела, без пяти минут пенсионерка, настойчиво посоветовала: "Виктор, тебя разыскивают. Начальник треста приехал. Зайди к нему обязательно. Велели трудовую пока не выдавать". Не стал упрямяться – явился пред очи самого Голубева. Владимир Федорович на меня воззрился: "Ты что, увольняться надумал?". Пожимаю плечами. "А что тебе там предлагают? Квартира будет?" – "Нет, комната в общежитии" – "А кем тебя сделают?" – "Старшим маркшейдером" – "Да мы и здесь тебя старшим маркшейдером сделаем!". Рядом сидят руководители подразделений, бурчат: "Ты тут все поразбивал. Кроме тебя, кто теперь разберется? Год еще поработай, оснастишь все – поезжай".

Остался. И засосало. Там женился – куда срываться?

– Извините, что значит поразбивал?

– Разбивки делаешь, а потом монтаж ведется. В самом деле, кто разберется: на каждом стволе было столько лебедек, копров... Я между ними носился, как шальной. ... Потом инженером назначили. Не прошло и года – начальником шахты поставили. Той же "Центральной" – будущей "10-летия независимости". Я, между прочим, первым был принят в ее штат еще маркшейдером. А потом настало время выборов руководителей. Выбирали начальника ШСУ. В Доме культуры, при большом стечении народа. Процедура затянулась аж до 22.30. Лишь тогда объявили победителя. А новый начальник управления тут же произвел меня в главные инженеры. Что дальше? Перестройка. Перемена обстоятельств у очень многих, если не у всех, ломка или же поворот судеб. Начальник управления уезжает в Россию, меня назначают на его место. Напряженное было время, при этом интересное и насыщенное. Мы тогда и "Молодежную" поддерживали, и "Центральную" вели к сдаче. Параллельно построили керамический завод, колбасный цех, установку по переработке щебня. Были и темпы, и размах. Я тогда от работы получал огромное удовлетворение. ... Потом шахтостроители стали не нужны. Жизнь на комбинате тяжелая началась. 1995–1997 годы. Акционеры новые пришли. У них задолженность по тем временам – миллион с лишним долларов. Я раз в полгода выдаю зарплату. Утро начинается, люди приходят: у одного похороны, у другого свадьба, а денег в кассе нет. Идешь на комбинат, там тебя не принимают, средства не дают. Через все эти кошмары пришлось пройти. Между тем шахта "Молодежная" резко снизила добычу, "Центральную" и вовсе подумывали затопить. И вот уже когда директором комбината был Николай Васильевич Набока, отклонив предложение возглавить керамический завод, я пошел на "Молодежную". При условии, что возьму туда людей по своему усмотрению. За выходные составил список из 400 человек, включив туда практически весь персонал "Центральной".

– Теперь эта шахта считается весьма перспективной.

– Ее запасов на сто лет точно хватит. А тогда, в неразберихе, все могло произойти. Мне и стране повезло, что ее не залили водой. Но сначала о том, как спасали "Молодежную". Набока разрешил часть людей на шахту взять, часть в ремонтные мастерские. Переводом всех оформили, чтобы причитавшиеся льготы сохранить. На шахту я пришел 9 января 1997 года. Ситуация была аховая: добыча с 2 миллионов тонн руды упала до 300 тысяч, и в этом нельзя было кого-то конкретно винить. План же в очередной раз срывался, и надо было действовать решительно. Расставил на ключевых позициях своих специалистов. Аманкельды Суюнтаев тогда у меня был главным инженером, главного механика назначил своего, главного энергетика, главбуха. Для этого, понятно, кое-кого пришлось подвинуть. Но результат был налицо – в январе мы план вытащили. И с тех пор шахта "Молодежная" ни единожды, даже по итогам месяца, план не срывала. К настоящему времени они вышли на уровень в 2,5 миллиона тонн и выше. Насчет "Центральной" настойчиво, упорно всем объяснял: нельзя уничтожать шахту. Дошло до "третьего" суда в лице авторитетного аксакала, ветерана отрасли Ибрагима Баймуратовича Едильбаева. Он как горняк меня понял. Министром раньше был и выход на акционеров имел, которым все популярно объяснил. Шахта, без преувеличений, – будущее хромовой промышленности Казахстана. Так и иностранным гостям говорю. Она на столетнюю перспективу. А может, еще что найдут. Потому что 300 миллионов тонн – это только разведанная часть месторождения. Да, есть сложности. Да, глубина большая, но ведь добычу надо совершенствовать, технологии – менять.

– До каких глубин уже доходите?

– Мы стволы проходим на глубину в полтора километра. А добыча ведется до 750 метров.

– Теперь вопрос касательно мировых рейтингов. Почему наши возможности в связи с хромом и "производными" от него определяют второй строкой в таблицы о рангах? Так ли это на самом деле?

– Отвечу, как смогу, а вы уж сами решайте.

По технологической стороне вопроса скажу следующее. В ЮАР применяется схожий принцип. У них смонтирована печь постоянного тока. Но только одна и под напряжением в 40 МВт. У нас же, напомним, стоят 4 печи по 72 МВт каждая. Не менее важно то, что мы теперь можем загружать рудную мелочь, которая раньше считалась отходами. Ее мы продавали российским и другим потребителям, а отныне эта маловыгодная коммерческая операция отпадает. Только бедную 32-процентную руду будем поставлять в Челябинск, поскольку нам она по технологии не подходит. Еще один ценный плюс. Своим коксом пока не пользовались, покупали российский "орешек",

теперь же сгодится шубаркульский спецкокс, поставляемый предприятием нашей системы. В общем, руки абсолютно развязаны, мы можем полностью управлять процессом и по мере необходимости расширять производство. Вторая часть вопроса. Относительно запасов. В этом плане не поспоришь – статистика утверждает: в Южной Африке сосредоточены самые крупные мировые запасы хромовой руды – более 5 миллиардов тонн. Но в этой руде очень много железа. К тому же порода там залегает "плоско", точно пластинами. Я в Зимбабве спускался в шахту и видел: слой в 150–200 миллиметров по всему хребту идет. Они там руду в основном вручную добывают. А взять шахту "Молодежную". Представляете, "линза" в 60 миллионов тонн расположена единым монолитом. И по залеганию, и по качеству это что-то! В нашей руде – высочайшее в мире содержание хрома. За 50%! Неспроста месторождениям названия даются типа "Алмаз – Жемчужина". Абсолютное большинство нашей продукции идет на экспорт. В Юго-Восточную Азию, в Китай, Республику Корею, в Японию, Австралию, в США, страны Евросоюза. Будем и дальше держать марку.

Автор: Александр ТАРАКОВ, Актобе

Казахстанская правда